

**ПРАВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА
КАК ИНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА**

© 2015 г. Рубен Амаякович Каламкарян¹, Юрий Иванович Мигачев²

Аннотация: в работе раскрывается юридическая составляющая международной нормативной системы.

Annotation: the work shows the legal component of the international normative system.

Ключевые слова: международная нормативная система, международное право, субъекты, Международный Суд.

Key words: the international normative system, international law, subjects, International court.

Международная нормативная система как совокупность субъектов и институтов современного международного права носит целостный характер. Международный Суд в формате института по обеспечению права и в режиме общего принципа права – запрета *non-liquet* – не может отказаться вынести решение за неясностью или отсутствием нормы права. Все споры, переданные Международному Суду сторонами (государствами как суверенными субъектами права), разрешаются в параметрах общей источниковой базы международного права или *ex aequo et bono*, по справедливости (ст. 36, 38 Статута Суда.)

Международная нормативная система как целостная и законченная система права показывает свою эффективность в рамках единого субъектного состава. В реальности это – государства как основные и первичные субъекты международного права. Именно государства создают, выполняют и обеспечивают (через суд) соблюдение всего круга предписаний должного поведения. В режиме суверенного равенства государств современное международное право – это право координации, поскольку в реальности осуществляет функцию координации взаимодействия государств по поддержанию современного миропорядка. Осуществляя через судебные институты процедуру обеспечения права, государства добиваются разрешения любых международных споров (представляемых в Международный Суд), что в

реалии означает справедливое урегулирование возникающего между государствами разногласия по поводу своей юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов).

Международная нормативная система в порядке обеспечения права и справедливости содействует поступательному развитию современного миропорядка.

На основе верховенства права Rule of Law Международный Суд как орган международного правосудия выступает в качестве органа по обеспечению права³. Посредством включенности Международного Суда обеспечивается такой уровень юридической безопасности государств – членов мирового сообщества, при котором выполнение всеми государствами своих обязательств на основе принципа добросовестности *bona fides*⁴ создает условия для установления высокой степени доверия *uberrimae fidei*. Движение человечества в этом направлении так же естественно, как естественно стремление людей к совершенству, законности и справедливости в ее высшем проявлении.

³ См.: Каламкарян Р.А. Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004. С. 32–34; Чернеченко С.В. Контуры международного права. М., 2014. С. 495–590; Шумилов В.М. Международное право. М., 2012. С. 485–516; Dicey A.V. The Introduction to the Study of the law of Constitution. London, 1960. P. 45–475; Jennings J. Law and Constitution. London, 1959. P. 148.

⁴ См.: Дмитриева Г.К. Принцип добросовестности в современном международном праве // Правоведение. 1978. № 6. С. 85, 86; Каламкарян Р.А. Господство права Rule of Law в международных отношениях. М., 2004. С. 91–450; Zoller E. La bonne foi en droit international public. Paris, 1977; Schwarzenberger G. International law. London, 1976. Vol. 3. P. 450.

¹ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор (E-mail: igpran@igpran.ru).

² Профессор Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук.

Вхождение человечества в новое тысячелетие сопряжено с повышением роли Международного Суда в системе межгосударственных взаимоотношений. Важнейшей задачей мирового сообщества является установление верховенства права в международных делах. Данное направление деятельности ООН было особо подчеркнуто в Декларации тысячелетия 2000 г. и Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. Указывается на необходимость выполнения взятых государствами международных обязательств исключительно на основе принципа добросовестности, т.е. не формально, но с учетом буквы и духа международного договора.

Российская Федерация как Великая держава постоянный член Совета Безопасности ООН однозначно подтвердила свою приверженность верховенству права⁵.

Построение международного правопорядка на основе верховенства права возможно посредством установления в системе межгосударственных отношений высокого уровня доверия. Поддержание доверия на таком высоком уровне может быть обеспечено тогда, когда юридическая безопасность каждого государства, т.е. совокупность признанных за ним субъективных прав, надежно гарантирована и любые ее преднамеренные нарушения будут заранее исключены. Обеспечиваемая в параметрах международной нормативной системы юридическая безопасность содействует поддержанию безопасности всего мирового сообщества в целом, что и является предпосылкой для построения миропорядка на основе верховенства права. Действенный механизм реализации такой цели – соблюдение на должном уровне основополагающих положений современного международного права.

Предметом регулирования международного права являются отношения суверенных и не зависящих друг от друга субъектов.

Субъектами международного права выступают государства, нации и народы, борющиеся за свою независимость, а также международные организации. Именно государства как суверены современного миропорядка через свои действия по обеспечению права (а это осуществляется через Международный Суд) содействуют тем самым поддержанию миропорядка на основе верховенства права.

Теоретическая конструкция субъектного состава современного международного права у россий-

ских ученых единообразна и в целом вписывается в круг обозначенных фигурантов. В фундаментальном труде В.М. Шуршалова “Международные правоотношения” субъектами международного права признаются государства, борющиеся за свое освобождение нации и международные организации. Г.И. Тункин в рамках своего академического исследования “Теория международного права” (1970 г.), констатируя правосубъектность государств как правосубъектность *erga omnes* (ввиду отсутствия необходимости ее признания другими государствами), справедливо отмечал, что международные организации (правосубъектность которых базируется на их уставе) не обладают *ipso facto* качеством правосубъектности *erga omnes*, поскольку здесь требуется признание со стороны государств. Отечественные ученые И.И. Лукашук, С.В. Черниченко, авторские коллективы в своих трудах⁶ в качестве основных субъектов международного права называют государства, а в качестве производных – международные организации. Международное право осуществляет непосредственное регулятивное воздействие по линии суверенных образований – государств, а уже через них – в отношении международных организаций. В целом концептуальная позиция российских ученых по субъектному составу международного права согласуется с общемировым пониманием проблемы. И это вполне логично и понятно: российская наука международной юриспруденции определяет себя в качестве существенной части общемировой науки современного международного права.

Правовым параметром поведения субъектов международного права являются общепризнанные стандарты должного поведения, устанавливаемые международным правом.

Международно-правовые нормы выражены в форме международных договоров, международных обычаев, актов международных конференций и совещаний, документов международных организаций.

Нормы международного права создаются субъектами международного права на основе свободного волеизъявления равноправных участников международных отношений. Меж-

⁶ См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2000. С. 19–30; Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 1. М., 1999. С. 111–130; Талалаев А.Н., Тункин Г.И., Шестаков Л.Н. и др. Международное право. Учеб. М., 1999. С. 89–114; Международное право. Учеб. / Под ред. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. М., 2000. С. 77–87; Международное право. Учеб. / Отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкареца. М., 2003. С. 59–71, 226–239.

⁵ Иванов И.С. Верховенство права в международных отношениях // Международная жизнь. 2000. № 12. С. 62–67.

дународное право как право координации, действующее по горизонтали, образуется на основе согласования воли суверенных образований – государств. Высказанная Г.И. Тункиным⁷ концепция согласования воли государств как способ создания международно-правовых норм вполне обоснованно была принята в качестве реально действующей конструкции в российской науке международного права. В этом плане, например, в своих общетеоретических работах высказываются И.И. Лукашук, С.В. Черниченко, Ю.М. Колосов, А.Я. Капустин, Г.В. Игнатенко, Л.Н. Шестаков.

Особенностью международного права является то, что исполнение норм международного права, а в случае необходимости и принуждение производятся самими субъектами международного права (индивидуально или коллективно).

Поскольку в межгосударственной системе не существует судебных и исполнительных органов, идентичных тем, какие существуют в государствах, функционирование международного права, и прежде всего его применение, существенно отличается от функционирования и применения внутригосударственного права. Главную роль в функционировании, именно в обеспечении международного права играют государства, а также международные организации. Будучи в режиме принципа суверенного равенства (п. 1 ст. 2 Устава ООН), государства как независимые носители субъективных прав и законных интересов сами создают и сами обеспечивают (через Международный Суд) свою юридическую безопасность. Таким образом, современное международное право выступает как институциональная основа построения миропорядка на основе верховенства права.

В рамках миропорядка на основе верховенства права предусматривается, что все межгосударственные споры подлежат разрешению через Международный Суд.

Установочная позиция российской науки международной юриспруденции по предмету понятийного наполнения нормы международного права определяет себя в единообразии и отсутствии доктринальных споров на этот счет. Любая юридическая норма, будь то международная или внутригосударственная, – это правило должного поведения соответствующих субъектов права. Так, С.В. Черниченко, И.И. Лукашук, В.М. Шур-

шалов, коллективы ученых в своих совместных трудах⁸ обозначают норму международного права как созданное соглашением субъектов правило поведения. В разработанной Г.И. Тункиным теоретической установке процесс образования норм международного права идет через согласование воли государств⁹.

В рамках своего регулятивного действия нормы международного права направлены на универсальное или сугубо местное применение. Соответственно, мы различаем нормы международного права и локальные нормы международного права. Отсюда в естественном порядке возникают универсальные договоры и обычаи и двусторонние договоры и обычаи. Нормы международного права имеют императивно-долженствующий характер. Логика мышления предписывает юридическую обязательность норм современного международного права. Тем самым устанавливается их отличие от других социальных норм. Нормы современного международного права подразделяются по двум категориям: допустимости и недопустимости отступления от них по взаимному согласию контрагентов. Наука международной юриспруденции обозначает эти две категории международно-правовых норм через императивные (*jus cogens*) и диспозитивные (*jus dispositivum*). Российские ученые в своих теоретических построениях исходят из общепризнанных концептуальных положений. Г.И. Тункин¹⁰, И.И. Лукашук¹¹, С.В. Черниченко¹², В.М. Шуршалов¹³, Б.Л. Зимненко¹⁴, авторитетные коллективы ученых в своих совместных трудах¹⁵, проводя различие между императивными и диспозитив-

⁸ См.: Черниченко С.В. Указ. соч. С. 15–49; Лукашук И.И. Указ. соч. С. 110–126; Талалаев А.Н., Тункин Г.И., Шестаков Л.Н. и др. Указ. соч. С. 7–14; Международное право. Учеб. / Под ред. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. Указ. соч. С. 11–13; Международное право / Отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкарецкая. Указ. соч. С. 13–25.

⁹ См.: Талалаев А.Н., Тункин Г.И., Шестаков Л.Н. и др. Указ. соч. С. 236–243.

¹⁰ См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М., 1970.

¹¹ См.: Лукашук И.И. Указ. соч.

¹² См.: Черниченко С.В. Указ. соч. М., 1999.

¹³ См.: Шуршалов В.М. Международные правоотношения. М., 1971.

¹⁴ См.: Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. С. 13–17.

¹⁵ См.: Талалаев А.Н., Тункин Г.И., Шестаков Л.Н. и др. Указ. соч. С. 9, 10; Международное право. Учеб. / Под ред. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. С. 11–13; Международное право. Учеб. / Отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкарецкая. С. 13–25, 31–41; Международное право. Учеб. для вузов / Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М., 1995. С. 70–90; Международное право. Учеб. / Под общ. ред. А.Я. Капустина. М., 2008. С. 15–29; Международное право и национальное законодательство. М., 2009. С. 112–315.

⁷ Талалаев А.Н., Тункин Г.И., Шестаков Л.Н. и др. Указ. соч. С. 236–245.

ными нормами по критерию допустимости отступления от них по взаимному согласию, вместе с тем однозначно подчеркивают их общий правомерный характер. Важно следующее. Отклонение от международно-правовой нормы недопустимо исключительно в режиме императивной нормы. Согласно ст. 53 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров императивной нормой современного международного права считается «норма, которая принимается и признается мировым сообществом в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер». Возникновение императивных норм международного права определяется через установление постулатов должного поведения государств в аспекте построения миропорядка на основе верховенства права (*Rule of Law*).

Современное международное право, будучи общедемократическим по содержанию своих норм и принципов, находит проявление в целостной системе международных правоотношений на универсальном и региональном уровнях. И здесь важно, чтобы при выработке международно-правовых норм единое начало было подтверждено в едином режиме их применения. Признанным критерием должного применения международно-правовых норм выступает принцип добросовестности.

При обстоятельствах многовариантности правоприменительной практики, как справедливо отмечает В.М. Шуршалов, главным является борьба за единое понимание норм права, за их точное соблюдение. Устанавливаемый нормами права порядок взаимоотношений государств образует международный правопорядок. Общим требованием международной жизни представляется соблюдение общедемократических предписаний современного международного права с ориентацией на построение миропорядка на основе права и справедливости.

Создание норм современного международного права как процесс нормообразования в рамках межгосударственной системы осуществляется в соответствии с нормами международного права.

Субъектами выработки норм международного права являются государства и международные организации при главенствующей роли самих государств. Государства как суверенные носители международных прав и обязанностей выступают инициаторами процесса нормообразования даже при участии в этом процессе международных организаций.

Процесс создания норм современного международного права проявляется в трех этапах:

1) согласование воли государств по предмету содержания конкретного правила поведения; 2) согласование воли государств в отношении признания данного правила поведения юридически обязательным и, соответственно, подлежащим добросовестному соблюдению в будущем; 3) оформление обозначенного правила поведения в форме договора или (подтвержденного практикой Международного Суда) обычая.

Представленная здесь теоретическая конструкция процессов нормообразования в современном международном праве общепризнана в российской науке международного права. В этом плане высказываются В.М. Шуршалов¹⁶, С.В. Черниченко¹⁷, А.А. Ковалев¹⁸, А.А. Моисеев¹⁹, коллективы авторов в современных трудах²⁰.

При констатации факта общего вклада всех отечественных ученых в теорию процессов нормообразования в современном международном праве объективный анализ показывает здесь приоритет академической мысли члена-корр. РАН Г.И. Тункина, проявивший себя в монографии «Теория международного права» и в учебнике по международному праву (1999 г.).

Будучи наиболее полной, теоретическая конструкция Г.И. Тункина может служить основанием для выработки концептуальных заключений по отдельным направлениям процесса создания норм современного международного права как процесса согласования воли государств, выраженной в их международно-правовых позициях. Международно-правовая позиция государства – это совокупный результат сделанных государством юридических актов и совершенного им юридического правомерного поведения. Представленный вывод по поводу существа международно-правовой позиции государства может быть развит с должным учетом теоретических наработок Г.И. Тункина. *Международно-правовая позиция государства* – это позиция государства по всем вопросам международного права, выраженная не только в его заявлениях, но и прежде всего в реальном, право-

¹⁶ См.: Шуршалов В.М. Указ. соч.

¹⁷ См.: Черниченко С.В. Указ. соч.

¹⁸ См.: Ковалев А.А. Международная защита прав человека. М., 2013. С. 9–62.

¹⁹ См.: Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2009. С. 13–89.

²⁰ См.: Международное право. Учеб. / Под ред. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. С. 11–13; Международное право. Учеб. / Отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкаревич. М., 2003. С. 16, 17; Международное право. Учеб. для вузов / Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. С. 79–82.

мерном поведении. Как часть его внешней политики международно-правовая позиция государства отражает его национальные интересы. При этом специфические интересы государства призваны быть согласованными с общими интересами человечества. Таково требование международного права в рамках миропорядка на основе верховенства права. В этом Г.И. Тункин совершенно прав. И далее следует второе важное замечание, высказанное авторитетным российским ученым.

Создание норм международного права не требует идентичности воли государств: достаточно, чтобы они были согласованы в том, что касается правила поведения и признания его в качестве юридически обязательного. И далее следует такой правильный вывод. Нормы международного права – это результат согласования воли всех субъектов международного права, и в этом состоит их коренное отличие от норм внутригосударственного права, где источником процессов нормообразования выступает исключительно государство.

Параллельно с согласованием воли государств в процессе международного нормообразования такое же основополагающее значение имеет взаимообусловленность воли государств. С теоретической и практической точек зрения взаимообусловленность воли (Г.И. Тункин) или взаимная обусловленность воли (В.М. Шуршалов) проявляет себя в том, что согласие государств на признание конкретной нормы в качестве нормы современного международного права дается под условием аналогичного согласия других государств: каждое государство, принимая нормы международного права как обязательные для соблюдения, рассчитывает на аналогичное поведение со стороны других государств.

В нормах международного права выражается согласованная, коллективная воля государств, детерминированная экономическими и политическими факторами международной жизни. В силу этого субъективное право в международном праве проистекает от коллективной воли нескольких государств.

В ходе международного сотрудничества государства создают нормы объективного права. Вместе с тем эти объективные нормы определяют меру возможного поведения участников конкретных правоотношений, т.е. служат источником возникновения определенных субъективных прав. При этом общей предпосылкой как для создания норм права, так и для возникновения субъективных прав является суверенитет государств как имманентное качество субъектов международного права.

Говоря о коллективной воле и воле участников конкретного правоотношения, необходимо иметь в виду, что эти воли могут совпадать в том смысле, что их носителями оказываются одни и те же субъекты. В таком случае круг субъектов, создавших норму права, совпадает с кругом участников международного правоотношения, возникшего на основании данной нормы. Такая ситуация характерна для всех двусторонних международных договоров, хотя не исключена возможность, когда и многосторонние договоры вызывают аналогичные последствия.

Но коллективная воля и воля участников правоотношения могут не совпадать. Например, Устав ООН является согласованным волевым актом многих государств (первоначальными участниками Устава ООН в 1945 г. были 50 государств, ныне количество государств – членов ООН достигло 193). Вместе с тем на основе этого документа возникает множество правоотношений с ограниченным кругом участников. В результате по своему объему воля, выраженная в норме, и воля участников правоотношения не совпадают. Отсюда вытекает логическое требование о соответствии отдельных договоров и соглашений предписаниям Устава ООН (ст. 103). Волевое содержание императивных норм по смыслу ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров характеризуется именно тем, что они выражают волю большинства государств (это – принципы и нормы общепризнанные). В силу этого отдельные договоры и соглашения, равно как и правоотношения, возникающие на их основе, не должны противоречить императивным нормам международного права.

Согласованность и взаимообусловленность воли государств как элементы процесса создания норм международного права. Согласованность и взаимная обусловленность воли государств представляются обязательными элементами процессов международного нормотворчества уже в силу самой сущности современного международного права, регулирующего отношения между суверенными образованиями – государствами. Принципы суверенного равенства, взаимности – вот те принципы, которые обуславливают востребованность таких элементов, как согласованность и взаимная обусловленность воли государств при создании международных договорно- и обычно-правовых норм. Согласованность и взаимная обусловленность воли государств как обязательные элементы в рамках процесса по выработке международно-правовых норм в логическом порядке признаются всеми российскими учеными-международниками.

И здесь при осуществлении всестороннего анализа элементов согласованности и взаимообусловленности воли государств приоритет призван быть отдан Г.И. Тункину²¹. Создание целостной картины сущностного значения согласованности и взаимной обусловленности воли как элементов процесса международного нормопроизводства может быть осуществлено при должном учете выводов и заключений, представленных В.М. Шуршаловым²². Встроенность принципов согласованности воли и их взаимообусловленность в процессе создания норм международного права представляют собой важнейший фактор отличия от норм внутригосударственного права. В современном миропорядке воли государств как суверенных и равноправных субъектов юридически равнозначны. Суверенное равенство государств является важнейшим принципом дипломатических конференций по выработке международных договоров: каждое государство, самостоятельно определяя свою международно-правовую позицию при голосовании по тексту договора, имеет один голос и его реализовывает в созданной норме права. **Суверенное равенство государств в процессе** международного нормотворчества определяет себя в едином (с точки зрения права) режиме вовлеченности во все этапы выработки норм международного права. Проблема юридически обязательных резолюций международных организаций, принимаемых большинством голосов членов организации, упорядочивается в рамках устава международной организации и не есть проблема суверенного равенства государств. Устав сам образует продукт согласованного волеизъявления государств, и примененное по факту его выработки суверенное равенство государств имманентно им присуще. Принцип суверенного равенства государств, определяя сущностное содержание процесса согласования воли государств, в реальной международной жизни проявляется в **фактических обстоятельствах** – совокупности специфических особенностей конкретного государства, которые определяют их фактическое разное положение в современном правопорядке. Различная фактическая роль в международных делах никак не умаляет принципа суверенного равенства государств при проявлении согласованности и взаимообусловленности воли государств в процессе международного нормопроизводства. Принцип суверенного равенства в сочетании с принципом взаимности остаются навсегда основой для согласованности и взаимообусловленности

сти воли государств – членов мирового сообщества: оба императивных принципа права не имеют изъятий и в едином режиме присутствуют на всех стадиях международного нормопроизводства.

Обычно-правовое нормотворчество как процесс создания норм международного обычного права состоит из двух элементов. Первый – это повторяющееся осуществление государствами определенных актов, обозначенных как прецеденты. Второй – это убеждение государств в том, что осуществление этих актов является юридически обязательным (*opinio juris sive necessitatis*). Субъектами, участвующими в процессе обычного нормотворчества, являются государства как основные субъекты международного права. Представленная концептуальная схема процесса выработки международных обычно-правовых норм носит общий характер в плане ее признания в российской науке международного права. В этом плане высказываются как отдельные авторы (И.И. Лукашук²³, С.В. Черниченко²⁴, В.М. Шуршалов²⁵, В.А. Батырь²⁶ и др.), так и коллективы ученых в совместных монографиях²⁷. Вместе с тем в авторитетном мнении Г.И. Тункина²⁸ установлены особенности создания обычных норм международного права, которые в целом призваны обогатить и содействовать дальнейшему теоретическому развитию общепризнанной концептуальной картины международного обычного нормопроизводства. Академический анализ доктринального мнения Г.И. Тункина по вопросу особенностей процесса создания международных **обычно-правовых** норм призван, во-первых, показать научную значимость теоретических выводов авторитетного ученого и, во-вторых, сформулировать объективное заключение по предмету исследования.

Процесс образования обычно-правовых норм отличается от процесса создания договорных норм, но сущность его, как справедливо отмечает Г.И. Тункин, остается той же. Это – согласование воли государств по поводу установления обязательных норм международного права. Статут Международного суда определяет международный обычай как доказательство всеобщей прак-

²³ См.: Лукашук И.И. Указ. соч.

²⁴ См.: Черниченко С.В. Указ. соч.

²⁵ См.: Шуршалов В.М. Указ. соч.

²⁶ См.: Батырь В.А. Международное гуманитарное право. М., 2011. С. 7–91.

²⁷ См.: Международное право. Учеб. Отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкареца. С. 167–169; Международное право. Учеб. / Под ред. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. С. 11–13.

²⁸ См.: Тункин Г.И. Указ. соч. С. 129–162; Талалаев А.Н., Тункин Г.И., Шестаков Л.Н. и др. Указ. соч. С. 59–61.

²¹ См.: Тункин Г.И. Указ. соч. С. 236–245.

²² См.: Шуршалов В.М. Указ. соч. С. 17, 18.

тики, признанной в качестве правовой нормы (ст. 38). Всеобщая практика отнюдь не означает практику всех государств: здесь понятие “всеобщая практика” носит относительный характер. Конкретно речь идет о практике большинства государств. Реальные обстоятельства здесь принимаются в объективном порядке.

Практическим результатом первой стадии согласования воли государств выступает *обыкновение*. Это – правило поведения, которому обычно следуют государства, но которое еще не является правовой нормой: чтобы стать нормой международного права, обыкновение призвано пройти вторую стадию, состоящую в согласовании воли государств относительно признания обыкновения в качестве правовой нормы. Статья 38 Статута Международного Суда говорит о практике, “признанной в качестве правовой нормы”.

Поведение в формате принятия государством обычного правила в качестве права означает выражение согласия государств рассматривать такое обыкновение как норму международного права. Согласованность воли государств относительно признания обыкновения нормой международного права соединяется здесь со вторым элементом процесса нормопроизводства – взаимозависимостью этой воли: государства дают согласие соблюдать обыкновение в качестве нормы международного права под условием взаимности.

Процесс универсализации международной обычно-правовой нормы и, соответственно, ее становления нормой общего международного права идет через признание большинством государств мира. Расширение сферы действия обычной нормы аналогично процессу универсализации норм международного права.

По констатации особенностей в процессе создания международных обычно-правовых норм Г.И. Тункин делает абсолютно правильный вывод о соизмеримости концепции согласования воли государств и общепринятой доктринальной позиции о необходимости существования прецедентов в определенной практике поведения государств и убеждения их юридической обязательности. Действительно, концепция согласования воли государств и концепция “практика плюс *opinio juris*” исходят из того, что для образования обычной нормы международного права необходимы, во-первых, существование сложившегося в практике государств правила поведения и, во-вторых, признание этого правила в качестве международно-правовой нормы.

Обосновывая соизмеримость и практическую идентичность между концепцией согласования

воли государств и концепцией сочетания практики и убеждения ее юридической обязательности (*opinio juris sive necessitatis*), Г.И. Тункин правильно говорит о важности такого восприятия процесса обычного нормопроизводства в аспекте заявления о неприемлемости (присутствующей в зарубежной международно-правовой литературе) теории о спонтанном процессе образования обычных норм международного права без участия воли государств. В основе любого юридически значимого поведения государств лежит их свободная воля, и именно через выраженное суверенное волеизъявление государств идет процесс международного нормопроизводства – здесь все однозначно.

В рамках исследования процессов создания норм международного права серьезную концептуальную нагрузку приобретает выявление соотношения момента установления правовой нормы, момента возникновения на ее основе конкретного правоотношения и момента реализации субъективных прав. Фактор времени в параметрах моментов установления юридической нормы, возникновения на ее основе конкретного правоотношения и реализации субъективного права имеет важное научное и практическое значение в аспекте целенаправленных усилий мирового сообщества по укреплению международного правопорядка. Внесение точности в комплекс обозначенных вопросов будет содействовать исключению случаев злоупотребления правом и тем самым повысит международную законность.

Представленное В.М. Шуршаловым²⁹ концептуальное введение реализации фактора времени в процессы установления правовой нормы, возникновения конкретного правоотношения позволяет построить целостную картину правомерного пользования государствами своими субъективными правами.

В международном праве как праве координации по регулированию взаимоотношений сотрудничества государств в качестве суверенных образований моменты установления правовой нормы и возникновения правоотношения в целом совпадают: здесь государства являются одновременно и создателями норм международного права, и участниками возникающих на основании этих норм взаимоотношений, а субъективные права призваны возникать с момента вступления субъектов в конкретные правоотношения. Все нормы международного права можно подразделить на две группы: нормы, порождающие правоотно-

²⁹ См.: Шуршалов В.М. Указ. соч. С. 98–101.

шения и субъективные права сразу же после их установления, и нормы, делающие это в будущем (например, Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г.).

И уже далее по факту возникновения соответствующего правоотношения – наступление момента реализации субъективного права. Он подпадает в рамки свободного волеизъявления суверенного субъекта международного права – государства. Конкретные его действия в этом направлении определяются им самим и никем другим.

Объективный анализ договорно-правовой практики государств позволяет считать убедительным вывод В.М. Шуршалова о том, что момент образования нормы, момент возникновения правоотношения и момент реализации субъективного права во времени проявляют себя по-разному. Здесь мы сталкиваемся со спецификой международного права (как права координации), где суверенные образования – государства на основе свободного волеизъявления через согласованность и взаимообусловленность воли сами решают вопросы, связанные с образованием нормы, возникновением на ее основе конкретного правоотношения и реализацией вытекающих из него субъективных прав. Представленный вывод находит свое концептуальное развитие в принципиальной позиции В.М. Шуршалова. Теоретически сама постановка вопроса о существовании международного правоотношения вне связи с нормой или, наоборот, нормы отдельно от международного правоотношения недопустима, поскольку государства сами являются и создателями норм права (для чего они вступают в правоотношения), и субъектами вытекающих из этой нормы конкретных международных отношений.

Другая особенность международного права (с его горизонтальной системой регулятивного воздействия, в отличие от внутригосударственного права с его вертикальной системой законодательного нормопроизводства и регулятивного воздействия), справедливо подмеченная видным российским ученым, состоит в обозначенном различии круга субъектов, участвующих в создании норм объективного международного права и подпадающих в рамки регулятивного воздействия со стороны конкретных правоотношений. Например, Устав ООН как универсальный нормативный акт создает сложное, многостороннее правоотношение с определенными правами и обязанностями для всех членов ООН. Вместе с тем Устав ООН с его системой создает для государств возможность вступать в правовые

отношения, из которых вытекают права и обязанности только для данных государств (*inter se*). Тем самым на базе общего правоотношения возникают правоотношения между конкретными государствами с их набором субъективных прав по данному договорному акту.

Вывод обозначен и логически. В.М. Шуршалов совершенно прав, когда говорит о том, что субъективные права государств всегда существуют в контексте международных правоотношений. Созданные на базе универсальных договоров правоотношения всеобщего порядка образуют основу для возникновения локальных правоотношений в рамках системы локальных договоров.

Поступательное развитие мирового сообщества определяет себя через повышение уровня институционно-правового обеспечения должного поведения субъектов правоотношений по всем сферам регулятивного воздействия норм права. Суд как способ институционно-правового обеспечения должного поведения субъектов правоотношений действует в одновременном и параллельном режиме по линии внутригосударственной и международной. Тем самым создаются объективные обстоятельства для эффективного осуществления господства права – *Rule of Law*.

Осознание государствами – членами мирового сообщества значимости Суда как механизма по обеспечению права нашло свое конкретное подтверждение в активном функционировании в режиме загруженности главного судебного органа ООН – Международного Суда. Сам Международный Суд с учетом его открытости для всех государств мира (участниками разбирательства наравне с членами Организации Объединенных Наций могут быть государства, не являющиеся членами ООН и участниками Статута Суда) стал действительно всемирным судом *World Court*.

Господство права, как способ упорядоченного взаимодействия субъектов в рамках определенной правовой системы, не есть некая абстрактная теоретическая конструкция. Это – действительно востребованный наукой и практикой современной юриспруденции механизм включения субъектов правоотношений в цивилизованный процесс поступательного движения сообщества (будь то государственного или международного) во времени и пространстве. Господство права в аспекте правления права содействует упорядочению поведения субъектов в конкретном социуме. Если это государство, то речь идет об упорядочении в рамках вертикально существующей системы права как права иерархического с жесткой вертикалью власти. А если это международное сообщество,

то мы имеем дело с процессом упорядочения уже в рамках действующего по горизонтали права координации, иначе называемого международным.

Право через механизм господства права осуществляет на должном уровне свою основную функцию по обеспечению юридической безопасности субъектов правоотношений. В рамках внутригосударственной системы права это – совокупность прав и свобод граждан, а в межгосударственной системе права речь идет о совокупности суверенных прав и законных интересов отдельных участников этой системы – государств. Юридическая безопасность субъектов правоотношений проявляет себя в процессе упорядоченного на основе господства права (правления права) взаимодействия по линии пользования субъективными правами. Процесс пользования субъективными правами в режиме господства права строго упорядочен. Субъект права может пользоваться своими субъективными правами только в той мере, в какой он не нарушает обязательств по ненанесению ущерба признанным субъективным правам другого субъекта правоотношений, – граница, которая отделяет сферу пользования субъективными правами одного субъекта от обязательства по ненанесению ущерба субъективным правам другого субъекта правоотношений и образует собой разграничение между субъективными правами двух

взаимодействующих субъектов правоотношений в режиме господства права (правления права).

Миропорядок, где все споры между государствами – членами мирового сообщества разрешаются в общепринятых понятиях международного правосудия через посредство международных судебных органов, обозначает себя как миропорядок на основе верховенства права. Современный миропорядок, ориентированный на поддержание верховенства права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) в системе международных отношений, качественно позиционирует себя в формате реального достижимого режима миропорядка на основе верховенства права.

Российская Федерация в порядке заявленной приверженности верховенству права по факту своего внешнеполитического курса конкретно содействует в формате общего пространства международной нормативной системы поддержанию международной законности и правопорядка в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций. Позитив содержания международной нормативной системы по факту включенности Российской Федерации в мировой созидательный процесс обустройства современного миропорядка обретает реальные черты миропорядка на основе верховенства права.